

**НЕОМИФОЛОГИЯ ПЕРМИ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Н. ЗЕМСКОЙ
«ГОРОД НА СТИКСЕ»)
THE NEOMYTHOLOGY OF PERM IN MODERN POPULAR LITERATURE
(ON THE EXAMPLE OF N. ZEMSKOVA'S NOVEL
"THE CITY ON THE STYX")**

Аннотация: В статье рассматривается процесс мифологизации образа Перми, его отдельных локусов в пространстве массовой литературы, в частности, на примере романа Н. Земсковой «Город на Стиксе». Предметами мифологизации в романе становятся знаковые культурные объекты, а также приметы городского ландшафта: художественная галерея, камский мост, река Стикс. Анализ романа показал, что Н. Земскова опирается на уже утвердившуюся в пермской культуре семиотическую модель мифологизации пространства, закреплённой в текстах предшественников (А. Иванова, Д. Скирюка и др.), развивает ее, обновляя новыми образами.

Ключевые слова: миф; мифологизация пространства; матрица города; современная литература; пермский текст.

Abstract: The article presents the process of mythologizing the image of Perm city and its separate locations in popular literature. As an example, we use "City on the Styx" by N. Zemskova. The subjects of mythologization in the novel are cultural objects and features of the urban landscape, such as: Perm State Art Gallery, Kama Bridge, and the river Styx. The analysis of the novel shows that N. Zemskova bases on the already established semiotic model of mythologizing space in Perm culture, which is fixed in the texts of her predecessors (A. Ivanov, D. Skiryuk, etc.) and develops it by adding new images.

Keywords: myth; mythologization of space; the matrix of the city; modern literature; Perm text.

Мифологизация – это понятие, ключевым ядром которого является понятие «миф». По мнению Е. М. Мелетинского, миф – это представление о мире, «...создающее некую новую фантастическую "высшую реальность", которая парадоксальным образом воспринимается носителями соответствующей мифологической традиции как первоисточник и идеальный прообраз жизненных форм» [11, с. 171].

Мифологизация есть процесс создания мифа, т. е. наделение какого-либо реально существующего объекта чертами и формами бытия, характерными

для персонажей и предметов архаичной мифологии, который служит способом оценивания и восприятия действительности [10, с. 42].

Говоря о мифологизации конкретного географического пространства, процитируем слова С. С. Аванесова: «Под мифом в данном случае нужно понимать образ города, сконструированный в нарративной форме и не опирающийся на строго рациональные основания» [3, с. 57–58].

Современные исследователи уже положили начало рецепции региональной культуры через призму специфической уральской мифологии, отмечая важность изучения специфики локальных текстов, отражающих механизмы взаимодействия человека и пространства. Ю. Ю. Даниленко отмечает: «Региональная литература является уникальным “носителем информации” о конкретном локусе: о его самобытности, произрастающих в нем смыслах, его жителях и их самосознании, “столкновениях с пространством”, о меняющихся представлениях о конкретном месте, явленных в нарративе, о культурных мифах, которые это пространство порождает, в целом – о прошлом и настоящем топоса» [4].

«Геопоэтическая модель Урала (т. е. образ земли (гео), отрефлексируемый литературой (поэтика)), сформировавшаяся в 1920–30-е годы в творчестве Бажова, в начале 2000-х получила новое развитие в цикле уральских романов Алексея Иванова» [2]. В «Уральской матрице» А. Иванова найдем такую характеристику «культурной матрицы» Урала: «Урал всегда – место встречи. <...> И зона этой встречи – зона преображения» [7]. Обращаясь к теме мастерства уральцев, Иванов очень четко разводит понятия «профессионал» и «мастер»: «Профессионал – везде, и на Урале тоже, – это тот, кто освоил свою профессию в совершенстве. А мастер, точнее Мастер, – на Урале, и только на Урале, – это *творец мира, демиург*» (курсив мой – Е. П.) [7].

Также для нашего исследования важна теория локального текста, описанная В. В. Абашевым в монографии «Пермь как текст». Локальный текст – это корпус «текстов о месте», благодаря которым само «место» наделяется рядом дополнительных характеристик.

«Центр мира», «начало истории», «окраина мира» – так автор определяет сущность Перми. «Читая город», пермяки идентифицируют себя как жители определенного пространства, обладающего отличительными особенностями. Происходит так называемая «активизация локального самосознания» [1, с. 104], усилившаяся в последние десятилетия.

Пермь – «центр мира». Вспомним географическое расположение города, его близость к Уральским горам, которые являются условной границей между Европой и Азией, и, если посмотреть на карту мира, Пермь действительно находится в «центре». Уральские горы всегда были местом притяжения кладоискателей, сюда приезжали разные экспедиционные и исследовательские группы с целью найти полезные ископаемые, которыми богаты горы. Отсюда берет свое начало своеобразная «геокосмическая» неомифология [1, с. 110], т. е. сила Урала в целом и Перми в частности заключена в недрах земли, расположенной в этом пространстве.

Пермь – «начало истории». Оглядываясь на прошлое города, увидим множество неоднозначных моментов, при анализе которых окажется, что Пермь – это

«...сакральный город, стоящий на границе света и тьмы» [1, с. 117]. Именно «...идея природно-космической и провиденциальной избранности Перми» оказывается значимой для мотивации творческой деятельности [1, с. 121].

Пермь – «окраина мира». «В пермском тексте парадоксально совмещается понимание Перми как центра и, одновременно, как границы мира, его гибельной окраины, где концентрация зла достигла предела» [1, с. 127]. Отсюда – «соседство» провиденциальной избранности и проклятости пространства.

Писатели и поэты, жившие или живущие в Перми, пытаются в своем творчестве понять природу города, осмыслить его историю, тайны.

Так, в романе Натальи Земсковой «Город на Стиксе» мы видим буквальную реализацию мотивов, обозначенных А. Ивановым: «Урал – зона преображения» и «мастер на Урале – это демиург». А лейтмотивом романа является понятие – «матрица города», т. е., как говорит один из героев романа, «некая сила данного места», управляющая жизнью города.

Елизавета Кронина – главная героиня романа, журналистка, приехавшая в середине 1990-х годов после вузовского распределения из Санкт-Петербурга в Город (Пермь). Ей предстоит погрузиться в городские тайны, узнать о местных мифах и легендах. По воле случая, а может и судьбы, она пишет статьи, посвященные новостям культуры, главными героями которых становятся широко известные личности: балетмейстер, актер, художник, пианист, загадочно покинувшие этот мир после публикаций. По ходу «расследования» мы узнаем, что эти люди в студенческие годы, объединившись в общество «Белых рыцарей», проникли в здание художественной галереи, в верхний зал с деревянной скульптурой, и «...пытались подключиться к силе данного места» [6, с. 251], «...выпив с богами и тем уравнивать себя с ними» [6, с. 203]. Именно этот поступок сыграл роковую роль в жизни каждого: они погибли в цвете лет на пике творческого успеха. В итоге все рассуждения заканчиваются выводом: «...главный признак гения – бессмертие. И чтобы персонажей обессмертить, осталось их убить, желательно в расцвете» [6, с. 333].

В своем романе Наталья Земскова описывает отнюдь не вымышленных персонажей, а реальных людей, пермских деятелей искусства: в тексте фигурируют трагически погибшие Евгений Панфилов (балетмейстер), Александр Володеев (актер), Юрий Агафонов (пианист). Об их таланте, гениальности, исключительности говорили все и при жизни, и после смерти.

Юрий Васильевич Агафонов – солист Пермской филармонии, был убит неизвестными в собственной квартире (в романе Вадим Арефьев умер на гастролях от передозировки снотворным). Его игру сравнивали с чудом, навстречу которому готово было выпрыгнуть сердце каждого услышавшего ее. «Агафонов – явление уникальное. Он – виртуоз международного уровня, очень образованный и интеллигентный» [9]. «Его [Юрия Агафопова] биография в самом деле необычна: уроженец Губахи, он поступил в Московскую консерваторию, что само по себе было чудом; блестяще выступал в столицах, ездил на зарубежные гастроли... Но жить предпочитал в Перми, чем несказанно удивлял московских критиков и зрителей» [5]. О том, что пианист покинул земной мир на пике

успеха, говорит название статьи Екатерины Обориной – «Прерванный полет Юрия Агафонова» [12].

Александр Семенович Володеев – артист разговорного жанра Пермской филармонии, актер Пермского ТЮЗа, поэт, умер от сердечной недостаточности недалеко от дома (в романе Александр Водонеев был убит неизвестными людьми во дворе). «Александр Володеев был типичным романтиком с его страстью к противопоставлению, к необычным обстоятельствам и лирическим героем, бросающим вызов рутине будней». «Плодотворность литературного труда», «готовность к литературному самосовершенствованию», «легкость, с какой он рифмовал строчки» – так характеризовали главные творческие черты поэта на вечере памяти в 2010 году [8].

Евгений Алексеевич Панфилов – хореограф, основатель собственного направления танца, был убит в своей квартире. Его творческая карьера была достаточно непродолжительной (около 20 лет), но за это время имя Панфилова облетело весь мир: создатель более 85 балетов и 150 балетных миниатюр, лауреат многих всероссийских и международных конкурсов, неоднократный номинант на премию «Золотая маска». Это был человек невероятной работоспособности, «...он работал как черт, ставил по четыре–пять разных спектаклей в год для каждой труппы», «...он постоянно рос и развивался, не повторялся» – вспоминает его дочь [13]. «Практически во всем, что касается Панфилова, есть слова “первый” или “впервые”: его театр был первым частным театром танца в постсоветском пространстве; позднее он стал первым частным театром, получившим статус государственного» [13].

Наивысших творческих успехов эти люди достигли, находясь в Перми, и в Перми же они стали бессмертными. Нетрудно увидеть здесь некоторую предопределенность судьбы: гении, демиурги, как их описывал Алексей Иванов, прославившиеся на весь мир, но жившие не в столице, а в провинциальном городе, оказываются под влиянием его матрицы.

Таким образом, мы вновь возвращаемся к понятию «матрица города».

Что же такое «матрица Перми»? В чем именно она заключается? Ответы на эти вопросы дает и героине, и читателям второстепенный персонаж романа – краевед Мелентий Петрович, «случайный» знакомый Елизаветы. Он объясняет все происходящие в Перми события наличием речки Стикс, протекающей рядом с Егошихинским кладбищем и являющейся как бы границей между миром живых и миром мертвых. «Небольшая речка Акулька, протекающая через весь городской центр и в девятнадцатом веке переименованная в Стикс, является матрицей Города, чем-то вроде человеческой ДНК, где записана вся информация о прошлом и будущем» [6, с. 283]. «И в этой матрице запрограммировано все – пожары, эпидемии, строительство, промышленность, культурное развитие, все-все» [6, с. 210]. Именно этим фактом объясняется закономерная гибель гениев. Город затягивает и не отпускает поистине талантливых людей. Если такой человек родился здесь, то только здесь он должен и развиваться, и прославляться, в противном случае он не сможет противостоять силе Стикса и выжить вдали от него.

Проанализировав роман Натальи Земсковой «Город на Стиксе», приходим к выводу, что в пермской литературе город Пермь предстает не как реальное, но скорее как мифологизированное пространство, с определенным сформированным набором мифологем. Предметами мифологизации становятся прежде всего приметы городского ландшафта. Стоит отметить, что Н. Земскова усиливает значение и мифологизацию уже существующих городских легенд.

Использование многочисленных «пермских» элементов, способных породить фэнтезийную реальность, свидетельствует об осмыслении Перми как мифогенного места, о формировании в культуре некоего «уральского концепта», который активно развивается в современной литературе. Современные пермские авторы развивают в литературе направление регионального фэнтези, погружая читателя в локальную неомифологию.

Библиографический список

1. Абашев, В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. – Пермь : Изд-во Пермского университета, 2000. – 404 с.
2. Абашева, М. П. Современный литературный процесс в региональной проекции (Пермь и Урал) : учебное пособие / М. П. Абашева, Ю. Ю. Даниленко, Ф. А. Катаев. – Пермь : Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2019. – 174 с.
3. Аванесов, С. С. Город как культурный миф / С. С. Аванесов // Миф в истории, политике, культуре : материалы IV Международной научной междисциплинарной конференции. – Севастополь : Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе. – 2020. – С. 57–61.
4. Даниленко, Ю. Ю. Современный литературный процесс в региональной проекции (Пермь и Урал) : учебное пособие / М. П. Абашева, Ю. Ю. Даниленко, Ф. А. Катаев. – Пермь : Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2019. – 174 с.
5. В Перми открыта мемориальная доска пианисту Юрию Агафонову // Новый компаньон (27.03.2017). – <https://www.newsko.ru/news/nk-3849713.html> (дата обращения: 1.04.2024).
6. Земскова, Н. Ю. Город на Стиксе / Н. Ю. Земскова. – М. : АрсисБукс, 2013. – 348 с.
7. Иванов, А. В. Уральская матрица / А. В. Иванов. – 2008. – https://4italka.su/dokumentalnaya_literatura_main/dokumentalnaya_literatura/146436/fulltext.htm (дата обращения: 1.05.2024).
8. Куличкина, Г. Памяти пермского поэта и актера Александра Володеева / Г. Куличкина // permnew (19.03.2010). – http://permnew.ru/news?post_id=3370 (дата обращения: 1.05.2024).
9. Макарова, Е. «Ее ждали 20 лет»: мемориальную доску пианисту Юрию Агафонову установили в Перми // Е. Макарова. – <https://59.ru/text/gorod/2017/03/24/62694521/> (дата обращения: 1.05.2024).
10. Мартишина, Н. И. Мифологизация как способ познавательного освоения объекта / Н. И. Мартишина // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». – 2022. – № 1. – С. 40–55.

11. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М. : Российская академия наук ; Институт мировой литературы им. А. М. Горького, 2000. – 407 с.

12. Оборина, Е. Прерванный полет Юрия Агафонова / Е. Оборина // Без формата (24.03.2017). – <https://perm.bezformata.com/listnews/prervannij-polet-yuriya-agafonova/55986197/> (дата обращения: 1.05.2024).

13. Якунчева, О. «В Америке его называли self-made man»: вспоминаем Евгения Панфилова с его близкими / О. Якунчева // 59.RU (10.08.2022). – <https://59.ru/text/culture/2020/08/10/69412297/> (дата обращения: 1.05.2024).